Александр Лукашев

Браконьеры

Александр Лукашев

Браконьеры

«Автор»
2026

Лукашев А. А.

Браконьеры / А. А. Лукашев — «Автор», 2026

Уставший от повседневной рутины, семейных дрязг и трудовых будней охотник сбивается с пути. У реки он встречает большого, неуклюжего, беспечного недотёпу-оленя. Что еще нужно для успешной охоты? Олень уже на прицеле и что может пойти не так?.. Однако, события принимают неожиданный оборот. Может быть, главный герой этой истории вовсе не охотник?..

© Лукашев А. А., 2026
© Автор, 2026

Браконьеры

Я, неоднократно бывавший в сказочном лесу и знающий лично бессменного биографа двух неугомонных друзей — почтенного ворона-архиварицуса Эдмунда Карловича Карского, ручаюсь перед читателем в том, что во время этой невероятной истории ни одно животное сказочного леса не пострадало!

Ручаюсь также и в том, что при расследовании этого небывалого происшествия органы лесного правопорядка проявили решимость и оперативность, во всём следуя букве и духу лесного закона, чем и заслужили уважение и почёт среди обитателей заповедной долины.

Любые же попытки утверждать обратное, есть не что иное, как домыслы недобросовестных журналистов.

Александр Лукашев.

***

Петрович чувствовал удачу. Тот самый, ни с чем не сравнимый, восторженный покалывающий холодок под ложечкой, отдающийся дрожью нетерпения во всём теле. Радость успеха. Предчувствие добычи. Такого большого и такого беспечного оленя Петрович видел, кажется, первый раз в жизни.

Сверкавшее новизной ружьё с оптическим прицелом последней модели (Первоклассная оптика!), казалось, само легло в руки. Промахнуться по этому увальню было практически невозможно.

Однако Петрович не спешил. Он с завидной аккуратностью провёл все надлежащие приготовления и расчёты. Вот он, тот самый волшебный миг, ради которого он всю неделю терпел ворчание жены, недовольной приобретением нового ружья. Вот он, тот самый миг, помогавший ему пережить пять дней трудовой рутины, капризы невменяемых клиентов и вопли тупоумного начальника. Воистину, терпеливому воздастся по заслугам!

Петрович прильнул к оптическому прицелу. Олень стоял к охотнику боком и блаженно утолял жажду из небольшого прохладного ручейка, вяло, автоматически, пытаясь отгонять фантомом хвоста назойливую мошкару, зная, впрочем, что это не принесёт никакого успеха. Глаза оленя были полузакрыты.

Пора! Петрович уверенно взял под лопатку и на миг задержал дыхание.

Оленю оставалось около четверти секунды жизни…

Внезапно что-то заслонило собой образ оленя в прицеле. Петрович услышал звук короткого хлёсткого удара и хруст разбитого стекла. Мягко и неслышно спикировавшая на ствол драгоценного ружья птица, одним ударом профессионального футболиста, с когтистой лапы высадила дорогостоящий оптический прибор! В следующее мгновение тишину поляны пронзило хриплое и отчаянное:

— СОХАТЫЙ, БЕГИ!

Петрович вздрогнул, но не выронил ружья и не допустил случайного выстрела. Переведя взгляд от совершенно бесполезного теперь прицела чуть выше, он увидел зависшую в воздухе перед самым своим лицом сороку, отчаянно машущую крыльями.

— Ты чего удумал, паскуда?! — развязно поинтересовалась птица, — Пострелять захотелось? Ну так запишись в биатлон, завоёвывай медальки! Красивые блестящие медальки! Усёк?! А если твою пустозвонную башку посетит хоть тень мысли тронуть сохатого, я тебя, мразь пропитая, по диагонали порву!

«И выпил-то всего ничего, — пронеслось в голове у Петровича, — исключительно для верности руки… Вкалываешь с понедельника по пятницу как проклятый! И рюмку не выпей! Дома жена пилит, в лесу… Стоп! ЧТО?!»

Петрович икнул. Нижняя челюсть его слегка отвисла, остекленевший взгляд выпученных глаз вперился в наглую птицу.

— Какого… — выдавил из себя Петрович и добавил привычное.

— Ну чего ты вылупился, как кукушонок в гнезде у страуса?! Палку свою медленно положи на землю и брысь отсюда! Ну, давай! Раз-два! Правой, левой! Конём, турой и королевой!

— Нет, сорока, такой фигуры — «тура». Есть «ладья». А королева называется «ферзь». Когда ты уже запомнишь? — прервал птицу приятный низкий голос, произносивший слова слегка в нос, так что нельзя было понять, был ли говоривший чуть простужен, или у него был французский акцент.

Заворожённый наглой сорокой Петрович не заметил, что олень вовсе и не думал удирать. Услыхав крик, он открыл глаза, неохотно оторвался от источника прохладной влаги и некоторое время с удивлением наблюдал диковинную перебранку. Потом медленно и неуклюже, вразвалочку, направился в сторону Петровича.

— Господи, он здесь ещё! — закатила сорока глаза к безоблачному небу — ты хоть понимаешь, Бобик Шифер ты не доструганный, что ты только что, как истинная шахматная фигура в конце партии, чуть в ящик не сыграл?!

Тут обезумевший взгляд Петровича встретили добрые и внимательные оленьи глаза. Олень, слегка наклонив голову набок, с любопытством рассматривал невысокую, сухонькую фигурку человека с ружьём.

— Уважаемый… — начал было олень.

— Чего-о-о? — взревела сорока, как набирающий скорость боевой самолёт.

«Теперь и прицел не нужен. В эту тушу промазать невозможно…», — мелькнуло в голове у совершенно очумевшего Петровича.

— Кыш отсюда, дура картавая! — гаркнул Петрович и снова со смаком добавил привычного. Для значимости. После чего, не сильно размахнувшись, быстрым точным движением отмахнулся от сороки и услышал, как маленькое тельце шлёпнулось неподалёку на землю.

Доброта и дружелюбие начали покидать олений взгляд, так порой медленно покидает праздничное свечение новогоднюю гирлянду. Петрович вскинул ружьё и вдруг захлебнулся воздухом, выронил оружие и, согнувшись от резкой боли, боком рухнул на землю. Проявивший неожиданную прыть олень провёл мастерский джолт[1] копытом в корпус.

Несколько секунд Петрович пытался изгнать из поля зрения разноцветные искры несанкционированного фейерверка и отчаянно шарил руками по земле, безуспешно разыскивая ружьё. Потом внезапно перекатился по земле, потому что ему почудилось, что на голову вот-вот обрушится копыто возмездия. Бросив взгляд в сторону оленя, Петрович увидел то, что уж совсем не укладывалось в привычную картину мира.

На спине оленя восседала разъярённая сорока, держащая в каждом крыле по маленькому блестящему дамскому пистолетику, наподобие бельгийского браунинга.

— Да будет тебе известно, подшёрсток ты суслячий! Я не ка-ррр-тавлю, а слегка грассирую! Ну что, тварина! Не захотел по-хорошему?! Десять секунд форы тебе в качестве бонуса выходного дня! На старт! Внимание!

Дальнейших пояснений не требовалось. Петрович дал дёру. Сорока залихватски прищурилась, прицелилась и дала стартовый залп в сторону улепётывающего противника.

— Гони его, сохатый!

Олень, переведя рога в боевой режим, рванул с места.

Ещё пять минут назад день был самым обычным. Если не считать того, что утром повздорил с женой, не отпускавшей на охоту, и отпихнул её в сторону. Неприятно, конечно, но и невесть какое событие. Мужчина должен чётко дать понять, кто в доме главный. Иначе жизни совсем не будет. Ну а синяки да шишки — дело житейское. Перемелется, мука будет.

И вот теперь приходится убегать без оглядки от говорящей сороки, скачущей на олене и стреляющей по-македонски с обеих рук… Стоп, граждане! Нет у сорок никаких рук!.. Стало быть, как же это?.. С обеих… Крыльев?.. Как же вы прикажете держать пистолет крылом?! Причём пистолет убойной силой явно превосходящий бельгийский дамский браунинг, который, по совести говоря, и череп-то пробьёт с трудом. А тут… Пули свистят над головой! Факт, граждане, бесспорный! И одного меткого попадания будет вполне достаточно, чтобы прервать существование Петровича на грешной земле. Уж в чём в чём, а в оружии Петрович разбирался неплохо. Что же это тогда?.. Белочка?.. Петрович обернулся. Нет, воля ваша, сорока и олень! Да и что бы там ни говорили, а не пил Петрович более меры! Под забором не валялся и с похмелья ни разу в жизни не болел. А вот поди ж ты!

Неподалёку от места неудачной охоты начинался густой лес, где было легко затеряться и сбросить с хвоста преследователей. Затеряться, да как бы не заблудиться… Да не заблудится Петрович в лесу! Не пальцем деланный! Сбросить хвост, а там к машине и домой!.. Легко сказать, домой… Без добычи, без ружья… Столько денег в ружье вбухал… Из семейного, будь он трижды неладен, бюджета… Хорошо ещё, если не подстрелят. Домой… А дома Тамарка, злая, что сорок говорящих сорок!.. Хуже клиентов… Страшнее начальства… Ох, накуражится! Последний кислород перекроет…

Сорока садила с обоих стволов с наслаждением и азартом. Спасало лишь то, что стреляла сорока не очень метко, а тучный олень явно не был привычен к быстрому бегу. Петрович уходил зигзагами, с теплотой вспоминая науку прапорщика Зашибайло, фамилию которого солдаты-новобранцы за глаза произносили несколько иначе. А мировой всё-таки был мужик! Хотя осознание этого пришло лишь с годами. Всё ближе и ближе спасительный лес… Ещё чуть-чуть и можно будет укрыться от пуль, а то здесь как на витрине…

Ну же! Последний рывок!

И тут случилось последнее и, как показалось тогда Петровичу, самое ужасное. Из лесу, прямо навстречу Петровичу, уверенной походкой хозяина леса вышел невероятных размеров бурый медведь… Но и это было ещё не всё! Подобно тому как сопровождают охранники важного человека, слева и справа от медведя шествовали два громадных серых волка, ничуть не уступающих медведю ни в размерах, ни в стати, ни во властной уверенности.

Петрович понял, что пришла его гибель.

— В рощу уходит гад! Наддай, сохатый, наддай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.